

Людмила Павловна Васильева

Львовский национальный университет имени Ивана Франко

Нинослав Радакович

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

**Литовско-славянские лексические параллели
(на материале восточнославянских
и южнославянских языков)**

Близость балтийских и славянских языков давно отмечена индоевропейцами, что дало им возможность говорить об эпохе балто-славянского единства. По некоторым теориям, праславянский язык сформировался из диалектов, отделившихся от древнебалтийского массива и начавших развиваться самостоятельно [Иванов, Топоров 1968, 39; Лер-Сплавинский 1964, 136], хотя с этим соглашаются не все исследователи. Однако существование периода балто-славянской общности, то есть периода контактного развития праславянских и древнебалтийских диалектов, у ученых не вызывает сомнения. Исторические и культурные отношения славянских и балтийских народов и в дальнейшем не могли не отразиться во взаимном обмене целыми рядами слов и выражений между носителями соответствующих языков — или путем прямых контактов, или при участии языков-посредников.

Являясь ближайшими родственниками славян в индоевропейской языковой семье, балты имеют родственные связи с ними и в этнографии, и в фольклоре. Близость балтов и славян (в том числе и южных) в этнографическом и фольклорном отношении выражается в общих элементах оформления, в частности, национальной одежды: так, для некоторых регионов Литвы характерной является вышивка на нижней части рукава рубашки [Slava 1966], то же распространено и у южных славян в Купинце (Хорватия) [Bakrač 1986].

Можно отметить и другие совпадения в этнографии и фольклоре литовцев и славян. К ним относятся традиционные праздники славян и литовцев.

товцев. На общие черты Юрьева дня у восточных славян — украинцев Полесья Ровенской и Волынской областей и литовцев обратил внимание А.П. Непокупный, он же описал общие черты в праздновании весеннего праздника пастухов [1979, 132–134]. Сходство в праздновании Юрьева дня обнаруживается у литовцев и с южнославянскими народами — хорватами и сербами. День св. Юрая хорваты отмечают 23 апреля, привязывая его, как и литовцы праздник св. Юргиса, к началу весны. Хорваты считают его также днем пастухов: в этот день в первый раз выводят скот на пастбища [Вгаіса 2004, 29]. У хорватов, как и у литовцев, существует обычай украшать скот, надевая на рога венки из зелени и цветов, что, по давнему поверью, отгоняет ведьм и защищает от зла [там же, 30], а у литовцев еще и защищает от волков [Непокупный 1979, 132]. Приведем хорватский обычай из региона Загорье (северо-западная Хорватия): пастухи, пригоняя домой овец, заблаговременно сплетают для одной из них венок, чтобы получить от хозяек щедрое угощение [Весенние праздники 1977, 262]. Обычай украшать скот венками отмечен и у литовцев, и у западных украинцев [Непокупный 1979, 133].

Выявленную А.П. Непокупным литовско-полесскую параллель, связанную с обрядностью Юрьева дня, можно, таким образом, отнести также и к южным славянам, при этом отмечая значительную этнографическую близость географически отдаленных территорий.

Обратимся к некоторым литовско-южнославянским языковым параллелям. Заметим, что просодическая система литовского языка сохранила до наших дней восходящую, нисходящую и краткую интонации, обозначаемые тремя различными знаками [Либериc 1962, 18]. Качественные и количественные различия в просодической системе большинства славянских языков остались в прошлом. Однако южнославянские языки (хорватский и сербский) сохранили просодическую систему с различиями в качественных и количественных показателях, то есть долгое и краткое восходящее и нисходящее ударения, причем как в ряде диалектов, так и в литературном языке. В некоторых сербских и хорватских диалектах представлена система из трех ударений с качественными и количественными характеристиками. В этих языках, как и в литовском, качественные показатели интонации могут изменяться в различных формах отдельных слов.

В лексике литовского и славянских языков обнаруживается большое количество общих черт. Это, в частности, позволило Ю.А. Лаучюте издать *Словарь балтизмов в славянских языках* [1982]¹, не только обобщающий результаты исследования многих лингвистов в области сравнительного изучения балтийских и славянских языков, но и, по мнению В.Н. Топорова, способствующий “нахождению существенной аргумен-

тации в пользу той или иной точки зрения” [1972, 91], касающейся балто-славянских языковых отношений. Ряд интересных литовско-славянских соответствий в связи с родством литовского и восточнославянских языков приводит А.П. Непокупный, напр., наречие *безвременно*, форму *полтора* и др. В первом случае проводится параллель с литовским *be-*, соответствующим русскому *без-* и означающем не только ‘без’, но и ‘раньше’. Во втором случае отмечается, что *полтора* (укр. *півтора*), восходящее к *поль вѣтора* ‘половина второго’, является архаической формой, близкой к литовскому *pusantra* ‘полтора’; в литовском обнаруживается также форма *pustrečio* ‘два с половиной’, а это, как считает исследователь, дает возможность предположить существование и в восточнославянских языках ряда форм с *поль* и другими числительными, со временем вышедших из употребления и в русском, и в украинском литературном языках, но сохранившихся в некоторых карпатских говорах украинцев: *півдруга*, *півпретя*, *півшеста* и т. д. [1979, 90–91].

Обращают на себя внимание и другие параллели между литовским и южнославянскими языками, напр., литовское *pusbroliis* ‘двоюродный брат’ и хорватское/сербское *polubrat* ‘сводный брат’ [Anić, 1994]², ср. также словенское *polbrat* с тем же значением.

Рассмотрим разные варианты выявленного нами соотношения общего и отличающегося в форме и значении некоторых балтийских (литовских) и южнославянских (главным образом, хорватских и сербских) апеллятивов (если подобные формы есть и в других славянских или неславянских языках, они также приводятся для сравнения).

Среди литовских апеллятивов есть лишь один, представленный во всех славянских языках, причем обозначаемое им понятие является для балтов единицей, имеющей в своем значении как одну из составляющих национально-культурный компонент. Это *янтарь* (лит. *gintāras*), укр. *янтар*, болг. *янтар*, серб. и хорв. *jantār* (в сербском также *čilibar*, заимствование из персидского языка через турецкий как язык-посредник), словен. *jantar*, польск. *jantarz* (а также *bursztyn*), нижнелуж. *jantař*, верхнелуж. *jantar* и др. Еще римский историк К. Тацит писал о собирании янтаря как об одном из занятий балтов, а места их обитания с давних времен называют “янтарным краем”. Слово зафиксировано в этимологическом словаре Ф. Миклошича с пометкой “das Wort ist lit. jentaras, jintaras, gintaras” [1886], а в этимологическом словаре П. Скока [Skok 1973, кн. 2] отмечается литовское (или угро-финское происхождение) слова и то, что это “важное слово для культуры балтов”. В этимологическом словаре А. Глухака отмечается, что это балтийское слово пришло в хорватский язык через посредничество русского, хотя, по предположению автора словаря, слово *янтарь* “не имеет балтийской этимологии”,

а пришло к балтам из языка их предков [Gluhak 1993]. Таким образом, вывод о том, что слово пришло к другим народам от балтов, не является дискуссионным.

Нами обнаружен ряд других, менее известных и распространенных литовско-южнославянских лексических параллелей, некоторые из которых есть в славянских языках других групп. Ниже приводится лексический материал.

Хорв. *klotpa (klotpe)* ‘обувь на деревянной подошве, закрытая в той части, где находятся пальцы’ [Anić 1994]. Ю.А. Лаучюте приводит слово *клумпы* с тем же значением, определяя его как балтизм, представленный в белорусском, польском и русском языках (лит. *klūmpė, klūmpis*, восточно-прусское *klotpe*) [1982].

Хорв. *prst* ‘палец’ (то же в сербском и словенском). В словаре Ю.А. Лаучюте дано как употребляющееся в литовском (*pirštas*) и в одном славянском языке — польском. Согласно комментарию в этимологическом словаре П. Скока [Skok 1973, кпј. 3], у этой хорватской лексемы “слова-соответствия существуют лишь в балтийской группе языков”; как пример приводится лит. *pirs(š)tas* (sic.).

Хорв. *irvas* (с пометкой “русск.”) в значении ‘северный олень’ представлено в толковом словаре современного хорватского языка В. Анич [1994]. В русском языке, по данным Ю.А. Лаучюте, есть формы балтийского происхождения *гирвас* и *ирвас* со значением ‘олень-самец на втором году жизни’, попавшие в русский язык через финский язык-посредник [1982]. Возможно, слово появилось в хорватском языке через посредничество русского, как утверждает В. Анич, но очевидными являются его балтийские корни.

Хорв. *koš* ‘корзина’. Хотя Скок [Skok 1973] утверждает, что слово не имеет параллелей в балтийских языках, мы все же считаем, что не исключены его родственные связи с литовским *kašius, kašus* ‘корзинка из коры, улей’. Слово представлено и в этимологическом словаре Ф. Миклошича, где приводятся его литовские и другие балтийские соответствия: латышск. *kašelis, kosuls* ‘улей’ [1886]. В семантическом плане, как видим, это достаточно близкие значения. В связи с этим обращает на себя внимание также хорватский и сербский аппелятив *košnica* ‘улей’.

Хорв. *kip* ‘куча, гряда’ [Толстой 1978]. Слово зафиксировано в словаре Ф. Миклошича с тем же значением [Mikloschich 1886]. Есть оно во многих других славянских языках. Скок приводит соответствия в сербском, хорватском, чешском, русском и в других языках, а также в балтийских — литовском и латышском: лит. *kaupiti* ‘сложить в кучу’, латышск. *kōra* ‘куча’ [Skok 1973, кпј. 2]. Ср. также восточнославянское (украинское) *купа* ‘куча’. П. Скок отмечает полное семантическое и фо-

нетическое соответствие в литовском и хорватском/сербском языке, ср. лит. *kaiŗpas* и хорв. *kup* [там же].

Хорв. *grm* 'куст, дуб; большое развесистое дерево' [Толстой 1978] (то же в сербском и словенском языках). Этимологический словарь Ф.Миклошича фиксирует слово с тем же значением и приводит родственные лит. *krumas* и латышск. *krūms* [1886]. Учет исторических фонетических изменений позволяет и в этом случае отметить литовско-южнославянское родство.

Хорв. *grumen* 'ком, комок' (то же в сербском и словенском языках). В словаре Ю. Лаучюте зафиксировано литовское слово *graūmenys* с недостаточно аргументированным происхождением [1982]. Значение этого слова — 'густой лес, в котором много поваленных деревьев' [Трубачев 1966, 340]. Можно согласиться с автором *Словаря балтизмов в славянских языках*, что литовское происхождение слова трудно доказуемо, однако нельзя исключить развитие в южнославянских языках нового, современного значения 'ком', 'комоч', поскольку можно отметить значительное сходство формы слова, с учетом фонетических изменений, прошедших в этих славянских языках, с литовской. В этимологическом словаре А. Глухака подтверждаются родственные связи с литовским языком и приводятся некоторые соответствия в других южнославянских языках: макед. диал. *grumok*, хорв. *grumak*, ср. также белорусское диал. *harūmki* [1993]. В хорватском языке ср. также: *grumenak*, *grumečak*, *grumešak*, *grumičak*, *grumenčić*.

Хорв. *bunda* 'шуба' (то же в сербском, болгарском языках) [Толстой, 1978]. Среди балтизмов, встречающихся в четырех и более славянских языках, Ю. Лаучюте приводит слово *bonda* [1982]. В памятниках белорусской письменности это слово встречается с 1468 г. в форме *bunda* со значением 'богатство, деньги' [Булыко 1974, 9–17]. П. Скок относит лексему *bunda* к словам венгерского происхождения [1982]. Нам кажется достаточно вероятным родство хорватского *bunda* с балтизмом *бонда* и связать их с литовским литературным *bandà* 'стадо, скот' У приведенных форм литовского и хорватского языков недостаточно отдаленные значения, чтобы полностью исключить их прежнюю близость: *стадо, скот* — *богатство, деньги* — *шуба*; это дает нам возможность сделать предположение о родстве лексем.

Хорв. *flandra*, *fundra* 'развратная женщина' [Skok 1973, knj. 1], то же в сербском языке; в западнославянских — чешском и польском: *flandra*, *flądra*; в украинском: *fłndra*. По мнению П. Скока, в хорватском языке — заимствование из немецкого (*Luder*) [там же]. Ю.А. Лаучюте приводит как балтизм в белорусском языке диалектное *плюндра* со значением: 'тот, кто постоянно пачкается' [1982]. Можно предположить на-

личие литовско-славянских, в том числе и южнославянских языковых взаимодействий.

Серб. *брздица* 'быстрина, стремнина' [Толстой 1978] (то же, что и *брзак* в *Толковом словаре сербского языка* Сербской АН [1962]). Ю. Лаучюте приводит это слово среди слов с недостаточно аргументированным происхождением [1982]. Его приводит и О.Н. Трубачев в исследовании ремесленной терминологии славян [Трубачев 1966, 340]. В литовском языке существует также родственное *brzdūs* 'суетливый'

Литовско-хорватский параллелизм проявляется и во фразеологии. Некоторые славянские и литовские фразеологизмы имеют общие корни еще с дохристианских времен, другие появились в славянских и в литовском языках в более поздний период, некоторые из них можно отнести к интернациональному фонду.

Украинский ученый А.А. Потебня в свое время обратил внимание на фразеологизм *пьян, как земля* [1976, 527], а А.П. Непокупный много лет спустя зафиксировал его употребление в говорах Полесья, в Черниговской, Житомирской и Ровенской областях [1979, 158]. Н.И. Толстой обнаружил этот фразеологизм в Белоруссии (в Брестской, Минской и Могилевской областях), а также у сербов [1972, 270–272.]. У хорватов также широко известен фразеологизм *pijan kao zemlja // pijan kao majka zemlja*. Представлен он во фразеологическом словаре хорватского и сербского языков Й. Матешича [1982], а также в восьмизычном сравнительном хорватско-славянском фразеологическом словаре [Fink-Arsovski 2006; Менас 2003]. Отметим существование этого (или подобного) выражения еще в двух других южнославянских языках — болгарском и македонском: болг. *пьян като майката земя* и макед. *пџан како земја*. Подобный фразеологизм существует и в литовском языке: *girtas kaip žemė* с тем же значением (зафиксирован в районе Вильнюса и на севере и западе Литвы — в Купишкисе, Паневежисе, Клайпеде [Непокупный 1978, 159]). Приведенную параллель следут отнести к общему фразеологическому наследию балтов и славян, "в которой нашли отпечаток их давние верования еще с дохристианских времен" [там же].

Приведем ряд фразеологических выражений, которые имеют ту же или сходную образность и одинаковые значения в литовском и в южнославянских, а также в некоторых других славянских языках (литовские фразеологизмы приведены из [Paulauskas, 1977; Sabaliauskas 1968])³:

лит. *lyg (kaip) ant adatų sėdėti (stovėti)* = хорв. *(biti) kao na iglama*, макед. *како на игли*, болг. *като на игли*, укр. *як на голках*, русск. *как на иголках*, польск. *jak na igłach (siedzieć)*, чешск. *jako na jehlách*, словацк. *ako na ihlách* [Fink-Arsovski 2006]. Обратим внимание на то, что указан-

ные в скобках литовские глаголы со значениями 'сидеть', 'стоять' также могут использоваться в славянских вариантах выражений;

лит. *kaip dangus nuo žemes* = хорв. *biti (razlikovati se) kao nebo i zemlja*, макед. *(се разликуват) како небо и земја*, болг. *различаваме се като земята и небето*, укр. *різнитися як небо і земля, різнитися як небо від землі*, русск. *различаться как небо и земля, отличаться как небо от земли*, польск. *być (różnić się) jak niebo i ziemia*, словацк. *to je ako nebo i zemia* [там же];

лит. *kaip šuo su katė* = хорв. *slagati se (voljeti se) kao pas i mačka* [Matešić 1982]; словен. *gledati se (biti, prepirati se) kot pes in mačka*, макед. *се сложни како мачка и куче*, болг. *погаждаме се (разбираме се, обичаеме се) като куче (кучето) с котка (котката)*, укр. *ладити (жити) як кіт (кішка) з собакою, ладити (жити) як собака с котом*, русск. *жить как кошка с собакой*, польск. *żyć (gryźć się, być) jak pies z kotem*, чешск. *snášet se (být na sebe) jako pes a kočka, snášet se (být na sebe) jako kočka a pes, snášet se (být na sebe) jako kočka se psem*, словацк. *znášať sa ako pes a mačka* [Fink-Arsovski 2006]; в болгарском, украинском, русском, польском, чешском языках, как и в литовском, используется предложная конструкция с творительным падежом, в чешском же представлена синонимичная конструкция с именительным падежом.

Отметим еще некоторые фразеологические параллели, свойственные, с одной стороны, литовцам, с другой — хорватам и сербам:

лит. *akmenį nuristi nuo širdies* = хорв. *pao je kamen sa srca (komu), odvalio (svalio) se kamen sa srca*. Обращает на себя внимание хорватский фразеологизм: *odvaliti (svaliti) kamen sa srca* [Matešić 1982], который еще ближе к литовскому выражению (дословный перевод литовского фразеологизма: “откатить камень с сердца”);

лит. *dantis pakabinti ant grėdų (į balkį, į gembę)* = хорв. *objesiti zube o (na) klin* [там же];

лит. *į kapus nuvaryti* = хорв. *otjerati (spremiti itd.) u grob (koga)* [там же];

лит. *ant pinigų gulįs* = хорв. *ležati (spavati) na novcu* [там же].

Восточно-славянские языки — русский и белорусский, а также западнославянский — польский территориально граничат с литовским. Именно они обычно были представлены в качестве адресантов заимствований в литовский язык, а также качестве языков, имеющих с ним параллели. Литовский язык, как и другие балтийские языки, практически не рассматривался с точки зрения наличия параллелей с южнославянскими языками. Мы попытались найти и привести некоторые случаи литовско-южнославянских совпадений.

Можно предполагать, что в ходе исторического развития некогда обширные ряды слов и выражений, общих для литовцев и южных, а также других групп славян, либо исчезали (в литовском или в одной из данных групп славянских языков), либо изменяли свое значение, в связи с чем сегодня в некоторых случаях литовско-славянские параллели выявить просто, в других — сложнее, а иногда практически невозможно. Установленные нами некоторые случаи родственных слов в южнославянских и балтийских языках (*koš*, *brzdica*, *grm*) не имеют параллелей в других группах славянских языков. Приведенный материал показал, что литовско-южнославянское лексическое взаимодействие свойственно, главным образом, общеупотребительным словам. Фразеологические совпадения свидетельствуют о семантической близости литовского языка и всех трех групп славянских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отметим, что в 1923 г. был издан словарь Р. Траутманна [Trautmann 1923].

² Интересно, что в литовском языке пополам делятся и день, и ночь, и утро, и вечер. Исходя из этого, А.П. Непокупный предполагает наличие такого явления и у славян. Он приводит слово *полрань* из актовой книги Ковенского земского суда 1566-1567 гг. [1979, 90–91]. У поляков существует форма *śródwieczerz* [Moszyński 1967, 131], которая подтверждает возможность подобной дифференциации времени и у ранних славян.

³ Эти или подобные фразеологические выражения есть и в других славянских языках. Мы не исключаем их наличия и в других индоевропейских языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Anić V., 1994: *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb.
 Bakrač I., 1986: *Narodna nošnja Kupinca: priručnik za rekonstrukciju nošnje*. Zagreb. (Biblioteka "Narodne nošnje Hrvatska").
 Braica S., 2004: *Godišnji običaji*. Split.
 Fink-Arsovski Ž., 2006: *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb.
 Gluhak A., 1993: *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb.
 Matešić J., 1982: *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb.
 Menac A., Fink-Arsovski Ž., Venturin R., 2003: *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb.
 Miklosich F., 1886: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von Franz Miklosich*. Wien.
 Moszyński K., 1967: *Kultura ludowa Słowian*, t 2, c 2.1. *Kultura duchowa*. Warszawa.
 Paulauskas J., 1977: *Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas*. Kaunas.
 Sabaliauskas A., 1967: *Žodžiai atgyja: Pasakojimas apie lietuviško žodžio tyrinėjimus*. Vilnius.

- Skok P., 1973: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. 1, 2, 3. Zagreb.
- Slava M., 1966: *Latviešu tautas tērpī*. Rīga.
- Trautmann R., 1923: *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Göttingen; Vandenhoeck; Ruprecht.
- Булыко А.Н., 1974: Литуанизмы старобелорусского литературно-письменного языка в отношении к белорусским диалектам, in *Диалектологический сборник*. Вильнюс, 9–17.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1968: *К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков*. Москва.
- Весенние праздники 1977, Токарев С.А. (ред.), *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX–начало XX века)*. Весенние праздники. Москва.
- Лаучюте Ю.А., 1982: *Словарь балтизмов в славянских языках*. Ленинград.
- Лер-Сплавинский Т., 1964: О северо-восточных окраинах праславянского языка, *Вопросы языкознания*, № 1. 132–139.
- Либерис А., 1962: *Литовско-русский словарь*. Вильнюс.
- Непокупний А.П., 1979: *Балтійські родичі слов'ян*. Київ.
- Потебня А.А., 1976: Из лекций по теории словесности, in *Потебня А.А., Эстетика и поэтика*. Москва, 522–527.
- Речник 1962: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. 2. Београд.
- Толстой М.И., 1972: Rutheno-serbica, in *Белорускае і славянскае мовазнаўства*. Да 75-годдзя акад. АН БССР К.К. Крапівы. Мінск, 270–274.
- Толстой Н.И., 1978: *Сербскохорватско-русский словарь*. Москва.
- Топоров В.Н., 1972: К вопросу о балтизмах в славянских языках (теоретический взгляд), *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*, Nr. 2. 90–97.
- Трубачев О.Н., 1966: *Ремесленная терминология в славянских языках*. Москва.
- E-mail: ljvasiljeva@mail.lviv.ua

Сентябрь 2009 г.

LYUDMILA VASILYJEVA, NINOSLAV RADA KOVICH

Lithuanian and Slavic Lexical Parallels
(with Examples from East Slavic and South Slavic Languages)

The Baltic-Slavic relationship goes back to ancient times. The existence of parallels between Lithuanian and various Slavic languages draws great attention. Words and expressions that were once common to Lithuanians and Slavs have either disappeared (in Lithuanian and in one of the Slavic languages) or have changed their meaning. At present Lithuanian and East or South Slavic parallels are sometimes easy to identify, sometimes difficult, and in some cases virtually impossible. The article investigates the use of related words in East Slavic, South Slavic and Baltic languages.